

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр
I.	
С. Евнин. Волчья гибель	3
С. Клычков. Стихи	4
П. Радимов. Случай на мельнице. Стихи	4
Н. Ашукин. Паутинки. Стихи	5
А. Яновлев. Волки. Рассказ	6
Н. Никитин. Хлеб. Рассказ	14
Ч. Ветринский. Новое о Л. Н. Толстом	19
II.	
М. Бронский. Роза Люксембург о русской революции	26
В. Полонский. Об интеллигенции и революции	34
III.	
М. S. Работы проф. Штейнаха	40
А. Заблудовский. Памяти академика А. В. Никитского	48
Н. Эра газовой техники	50
IV.	
Н. Н. Александров. Новое областное деление России и проблемы народного образования	52
Проф. Н. Каринский. Вятский Институт Самообразования	54
В. Дюшен. Социальное воспитание в Германии в наши дни	56
И. Гроссман-Роцин. Классовая педагогика и учительство	60
V.	
Э. Бескин. Театр „на переломе“	63
Л. Сабанеев. Остров блаженных	66
Н. Моргунов. Выставка К. А. Коровина	70
VI.	
Библиография. Е. Шаурии. Пугачов С. Ессина; Е. Г. Mascreele Mein Stundenbuch; Н. В. Ф. Сологуб. Соборный благовест; Проф. А. А. Сидоров. Тугендхольд. Эдгар Дега и его искусство; А. Греч.—Эрнст. Замирайло; М. Б. И. Глебов. Скрыбин. Н. Хрущов. Ампула актера; Г. Гордон. Лапшин. Философия изобретения и изобретение в философии. Е. Боричевский. А. Е. Ферсман. Самоцветы России. А. Лавреций. Блок. Падение императорской власти. Нова „Начала“. А. З. А. Г. Каташкин „Наука и школа для труда“. М. Шнейдер. Об Алекс. Блоке.	75
VII.	
Хроника	86

Культура и Жизнь

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ПО ВОПРОСАМ

ПРОСВЕЩЕНИЯ, НАУКИ,
ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

№ 2—3

1—15 МАРТА 1922 г.

Книгоиздательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

при Центральном Комитете Всероссийского
Союза Работников Просвещения и Искусств

Адрес редакции: Москва, Леонтьевский пер., д. 4. Тел. 1-27-25.

Н. Моргунов.

Выставка К. А. Коровина.

Третьяковская галерея организовала выставку произведений Константина Алексеевича Коровина, которая была открыта с 26-го января по 19-ое февраля.

В сравнении с выставкой К. Коровина, устроенной Главполитпросветом и знакомившей с творчеством последних лет, настоящая представляет собою попытку дать первый общий обзор творчества К. А. Коровина. Среди 130 произведений, собранных на выставке, имеются произведения, датированные с 1883 г. по 1920 г. и представляющие характерные и значительные образцы кисти художника.

К сожалению, необходимо констатировать, что разнообразные неожиданные и непредвиденные препятствия лишили возможности дать выставку, наиболее полную и обнимающую все виды творчества К. А. Коровина. Нет на ней декоративных панно, эскизов к ним и проектов павильонов для выставок. Отсутствуют некоторые произведения, известные по воспроизведениям в журналах, которые дали бы еще более полное представление о творчестве художника.

Не совсем полон и театральные отдел, где отсутствуют эскизы и проекты ранних постановок и где скудно представлены рисунки театральных костюмов.

Но, повторяем еще раз, такая неполнота должна быть всецело отнесена к невозможности преодолеть все препятствия, стоявшие на пути работавших по организации выставки. Мы не можем и не имеем времени о них рассказывать, но огласить один факт, рисующий и отношение к культурным начинаниям со стороны представителей учреждения, призванного просвещать массы, мы считаем весьма полезным — может быть, в дальнейшем он не повторится, может быть, кое-кому будет стыдно...

Известно, что произведения К. Коровина находятся в Пролетарском Музее на Ст. Басманной. Чтобы их получить, обратились за разрешением в МОНУ, там сообщили, что Музеем ведает Районный Баумановский Отдел Народного Образования, от которого зависит решение этого вопроса. Художественный П/Отдел Баумановского Отдела решил очень мудро: картины выдать, но с условием — Третьяковская галерея должна внести залогом 2.000.000 р., а в случае порчи или пропажи картин — уплатить стоимость их золотом. И это делает правительственное учреждение, забывая, что организация выставки имеет значение просветительное и что Третьяковская галерея обладает достаточной авторитетностью. Мы можем к этому добавить, что отдельные коллекционеры, давшие на выставку картины К. Коровина, никаких условий не ставили. Они оказались мудрее заведующих.

Этот факт, взятый из ряда других, объясняет и оправдывает неполноту выставки, которая в других условиях, несомненно, была бы исключительным событием в художественном мире.

Имя Константина Коровина известно широким кругам интересующихся искусством. Его эффектные картины юга последнего периода, портреты и „натюр морт“ и ряд декораций и постановок Большого театра, отдельные картины прежних лет, например, популярная „Девушка с китайскими фонарями“, или „Северная идиллия“, все это, вместе взятое, составило определенную репутацию художнику, которого молва считала блестящим живописцем, влюбленным в краски больше всего и дающим в своих произведениях эф-

фектную, но поверхностную радость глазу. Блестящий, легкий, веселый, изящный, красивый тон произведений Коровина был общепризнанным определением смысла сущности творчества художника. И эта репутация так твердо установилась, что большего от художника не ждали. Но вот на выставке в Третьяковской галерее предстали собранные из различных собраний такие произведения, как „Женский портрет“ 1883 г., „Испанка“ 1888 г., „У окна“ 1895 г., портрет И. А. Морозова 1905 г., „На мосту“ 1900 г., эскизы декораций к опере „Ночь под Рождество“ 1915 г., ряд других произведений, и сложившееся представление о творчестве К. Коровина благодаря знакомству с ними должно быть основательно изменено.

В них нет ничего эффектного и только внешне-привлекательного, они говорят о значительной глубине восприятий художника. Написать такую жемчужину, как „Испанка“ или „Парижское кафе“, или „У моста“, мог только глубокий живописец с острым глазом на краски и на явления жизни, воспринимаемые с мудрой простотой, конечно, раньше всего живописно. Красота этих произведений благородна, в ней нет ничего легковесного, случайного, сомнительного. Из каждого явления художник создает картину, на которой вечное солнце мира — слияние красоты материальной и духовной оставило свои лучи. Каждая из таких картин входит, как крепкое звено, в то целое, что исходит из глубины прошлого и что теперь некоторыми принято называть „живописной культурой“, утвержденной для нашей эпохи к К. Моне, Ренуаром, Ван-Гогом, Гогеном, Сезанном...

Уклон в творчестве К. Коровина последнего десятилетия в сторону эскизности и этюдности, в которых так много излишней торопливости и слишком много намеков, почти безудержное увлечение передачей красочной оболочки природы, без заботы о форме и без желания передать чувство материала, заставили многих забыть о другой, значительной стороне творчества художника и считать его только последователем импрессионистов.

Но разве К. Коровин — импрессионист? Разве укладываются в рамки такого определения только что перечисленные его произведения и его декоративные панно, в которых он проявил громадную настойчивость в достижении стильных, графических, композиционных задач? Его проекты театральных постановок, в которых обнаруживается глубокий декоративный талант, блестящий фантастикой и острым пониманием пластики?

Импрессионизм — это игра света и цвета. Импрессионизм — это разложение мира на световую и цветовую пыль. В нем все призрачно, бесплотное, легко, как газ. Эта пыль, этот цветовой эфир случайно слагается в видения, миражи дня, вечера, утра, моря, гор, деревни, города в эфемерных произведениях импрессионистов, они дают легкий и прозрачный отблеск игры солнечного луча на красочной оболочке природы.

Кроме искания этого отблеска, импрессионисты разрабатывали свою систему живописи, свою технику. Они первые провозгласили проблему соединения чистых тонов на холсты, и с их именем связаны новые достижения в области художественной оптики. Словом, для них вопросы техники, живописного мастерства имели значение самодовлеющее.

И если в длинном ряде произведений К. Коровина мы найдем такие, как „Пейзаж“ с каменным домом в зелени, написанный во Франции в 1908 г., как „Парижское кафе“, где так глубоко гармонично сочетаются на серо-голубом фоне городской улицы деревья, цветные костюмы и особенно красный зонт (оба „Кафе“ написаны в девятых годах), то все же эти отличные холсты, в которых выразились лучшие достижения импрессионизма, в творчестве К. Коровина не доминируют. Рядом мы найдем другие произведения, написанные по-иному, в которых принципы импрессионизма

уступают место выявлению формы, упругости, телесности, и которые созданы на протяжении тех же лет. Таковы его „Хозяйка“ 1894 г., „У окна“ 1895 г., „Сирень“ 1895 г., „Девушка с китайскими фонарями“ 1896 г., „У моста“ 1900 г., портрет И. А. Морозова 1903 г., „Весною“ 1908 г.

В этих произведениях, как и в других, написанных раньше и в последние годы, мы видим иную концепцию. Они более материалистичны, в них жизнь преобразуется не в отвлеченных, овеянных холодом горных высотах, сцеплениях цветных пылинок, а в строгих, простых по темам, картинах быта и природы, проникнутых любовью к ним и к той красоте, какую нашел в них художник. Здесь сказывается та непосредственность натуры его, которая заставляет забывать об анализе, настойчивом и упорном изучении проблем света и красок и приковывает все силы его таланта к передаче прекрасных, гармонических форм, линий и колорита, воспринятых от живой, кипучей, полной разнообразных чувств жизни.

Вот почему его „Испанки“ стоят у балкона и смотрят задумчиво; его „Хозяйка“ заодно улыбается; его девушка зажигает фонари. Его розы — не только красочное бесплотное видение, но цветы, которые наполняют благоуханием комнаты, где они стоят; его мост, его трава, деревья, сараи, дома — имеют вес, плотность, рельеф.

Вот почему этот цикл его произведений вводит нас в мир житейски существующий, связанный с нашими личными реальным переживаниями. Они просты, эти произведения, о содержании их много не расскажешь, моменты, взятые на холст, обыкновенны, но их живописное восприятие необычно.

Хороши его парижские видения — бульвары, кафе, улицы, в них художник сумел стать хорошим импрессионистом. Хороши и другие его произведения. Из них мы на первый план поставим „Испанок“ с их отличным жемчужным колоритом, „На мосту“, где так насыщен страстно-тревожной атмосферой темно-зеленый тон, и так редко-своеобразно и выразительно поставлена женская фигура в красном; „Серенаду Мефистофеля“ 1902 г., где ярко выделяются дьявольская фигура в красном и пассивная черная фигура Фауста на темно-сером фоне театрального города, „Стрелецкую слободу“ 1920 г. (эскиз для оперы „Хованщина“), где все так свежо, ярко, крепко, отлично поставлено.

На всем протяжении творчества К. Коровина можно отметить несколько тем и путей, по каким направлял художник (вольно или невольно) свою работу. Их увидеть, определить легко, гораздо легче, чем отдельные этапы и смену их.

К 1883 году относит художник свой свежий и цельный в голубом тоне портрет г-жи Х., произведение зрелое, со всеми признаками его импрессионистических работ. И от него так естественен переход к парижским кафе, бульварам, к „Кафе в Ялте“ 1905 г. и к описанному выше „Пейзажу“ 1908 г., вплоть до лучших произведений последних лет. Все это — произведения одного порядка, одной концепции.

В этюде „В лодке“ 1885 г. мы впервые увидим те серебристо-жемчужные тона, которые впоследствии будем находить в „Сирени“ 1895 г., в „Испанках“, в картине „У окна“ из собрания Ляпунова, в эскизах к балету „Жар-птица“ 1919 г.

Гармонию желтого, красного, зеленого, какую мы видим в этюде 1886 г. в картине „Северная идиллия“, дальше мы встретим в ряде произведений, вплоть до последних.

Эти темы и пути не сменяют друг друга, а взаимно дополняя, идут рядом, так как творчество художника было многогранным, так как сил его хватало на все, что увлекало художника, что вдохновляло его.

Особый мир раскрывает художник в своих театральных эскизах и проектах, представленных на выставке довольно богато (сорок девять произведений), но все же не исчерпывающих всего созданного К. Коровиным в этой области.

Удивляешься исключительной энергии его: на протяжении почти тридцати лет он участвовал почти во всех главнейших постановках Большого театра и направлял все работы. Щедрая и богатейшая фантазия его не знала границ, и красота театральных постановок, комбинация самых разнообразных материалов ласкала глаз, увлекала внимание в фантастический, мимолетный мир, где было все легко и радостно.

Среди эскизов к постановкам опер, балетов русских и иностранных композиторов на выставке выделяются эскизы к „Дон-Кихоту“ — „Мельницы“, к „Спящей красавице“ — прекрасная гармония красных, фиолетовых, синих тонов, несколько напоминающая сапуновские постановки, к „Сказанию о граде Китеже“ — „Городская площадь“, которую можно поставить рядом с упоминаемой выше „Стрелецкой слободой“. Отличные эскизы к опере „Ночь под Рождество“ дают нам возможность понять, до какой глубокой, строгой гармонии и глубокого понимания декоративности мог подниматься художник и какой это исключительный живописец!

К числу декоративных работ можно отнести такие его произведения, как „Венеция“, небольшой изящный эскиз 1900 г. (?) и „Север“ 1901 г. В первом игра тонов ультрамарина, зелени, охры и серого дает впечатление переливов драгоценных камней. Во втором К. Коровин дает понятие о себе, как о миниатюристе, — выдержанно и тонко написаны олени, самоеды, постройки.

Эскизно-декоративные технические приемы, которыми пользовался К. Коровин, работая над проектами театральных постановок, в сильнейшей степени отразились на его других работах последнего времени. Кажется, начиная с 1903 г., художник начал свои картины вольно и безудержно заливать широкими эскизными мазками, и чем ближе к нашему времени, тем сильнее и чаще прорывалась в его творчестве эта торопливость. Словно внутренний жар увлечения миром нежных гармоний южной природы был так велик, что не хватало времени у художника, и он, спеша, легко играя красками, отдаваясь живописно-красочной стихии, писал с натуры один эскиз за другим.

В них господствует краска, в них мало форм и чувства материала. Но они подчас исключительно легки и красивы, эти мимолетно-написанные эскизы.

Но в произведениях самого последнего времени снова художник переходит к разработке своих тем, снова в его работе заметен размеренный темп.

Значение и роль творчества К. Коровина в русском искусстве мало было осознано и мало выяснилось. До последнего времени не было отдельного труда, посвященного этому вопросу, и лишь Третьяковская галерея сделала первую попытку собрать произведения К. Коровина для нашего обзора, но все же и теперь трудно приступить к характеристике его творчества — многих произведений нет и где они находятся — неизвестно.

Во всяком случае, одно несомненно: К. Коровин среди группы художников, пришедших вслед за передвижниками и господствовавших среди передовых и свежих художественных сил, представляет значительную и яркую величину. Достаточно указать, что его кисти принадлежат такие произведения, как „Испанки“, „В лодке“, „У окна“, что „Испанки“ должны быть поставлены рядом с лучшими произведениями того времени и что

живопись К. Коровина имела значительное влияние на молодых художников. Он один из передовых и первых художников, органически и полно слившихся с современными ему свободными течениями Запада. Он воспринял их глубоко, непосредственно и от них пошел вперед в своем творчестве.

Вопрос, из каких элементов складывается русская культура, — вопрос старый. Для одних она самобытна, для других она — отголосок европейской культуры, питающей ее, как живородный источник. И в художественном творчестве К. Коровина влияние и значение европейской художественной культуры дает один из частных ответов: К. Коровин — „русский европеец“, несущий в себе элементы русской восприимчивости и непосредственности и европейской преемственной устойчивости, той мудрой и просветленной силы, которая составляет сущность всякой культуры. В нем лучшие достижения европейской живописи слились с яркой искренностью русской природы.

Некролог.

Николай Иванович Тимковский.

19-го февраля в Москве умер в крайней нужде еще не так давно очень популярный беллетрист и драматург Н. И. Тимковский.

Он родился 15 апреля 1863 г. в Москве, был сельским священником. Отец его чиновник.

Н. И. учился в 1-й Московской классической гимназии, потом в Московском университете, копчил курс в нем кандидатом по словесному отделению и был оставлен при университете по кафедре философии (Н. Я. Гротом). Около 4-х лет Н. И. готовился к университетскому экзамену, потом неожиданно забросил философию и отдался литературному творчеству.

„Я дебютировал, — пишет он в своей автобиографии, — почти одновременно (в 1891 г.) шуткой „Шашки“ в Малом театре и очерками: „Сон“ в „Русской Мысли“ и „Последний день“ в „Артисте“.

Затем писал параллельно и для театра, и беллетристику, и статьи по научным, философским и общественным вопросам.

Сильно затрудняюсь сказать, что я считаю наиболее ценным. Мне представляется, что я еще до начала своей литературной деятельности сошел с каких-то рельсов и до сих пор не могу попасть, а может быть, никогда не попаду (писано в 1912 году). Если что и кажется мне ценным, так разве то, что хочется мне сделать в будущем. Как это ни странно после 20-летней литературной деятельности, но это так. Возможно, что тут просто самообман, но ведь я, вообще, человек, вывихнутый с детства и до сих пор не вправленный“.

Первые произведения свои Н. И. подписал псевдонимом „Н. Кривницкий“, так как ему показалось „конфузным“ для магистранта философии забавляться шутками для театра. Из театральных вещей своих он отмечает: „Шашки“, „Гувернантка“, „Два лагеря“, „Защитник“, „Сильные и слабые“, „В борьбе за жизнь“, „Дело жизни“, „Убежище“ и „Грань“.

Беллетристика Н. И., охотно печатавшаяся в лучших журналах, была собрана в 7 томах. Но, кроме того, Н. И. писал немало по педагогическим, этическим, эстетическим вопросам, о народном театре, о рабочем вопросе, критические и историко-литературные статьи, пьесы и стихи, но напечатано из них немного.

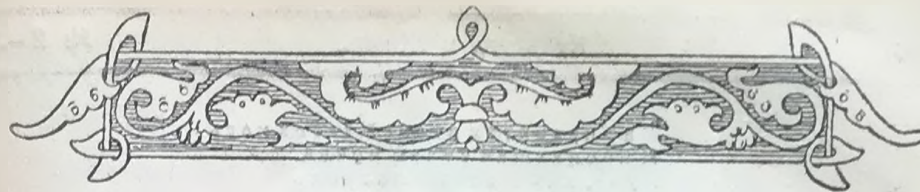
Одна из последних книг Тимковского, „Душа Толстого“, едва ли не переживает беллетристику его. Драму души Толстого беллетрист пережил, как человеческую драму вообще, продумал ее, как личную свою проблему, и с неожиданной глубиной показал, как пусто переживает средний человек, средний интеллигент свою скудную жизнь.

Немало в свое время писалось и о нем в „Образовании“ в „Русск. Мысли“, „Русск. Вед.“, „Курьере“, „Современном Мире“, „Русском Богатстве“, „Северном Востнике“ и т. д.

В. М. Дорошевич.

22 февраля в Петрограде скончался писатель Влас Михайлович Дорошевич.

В. Ч.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Е. Шамурин.

„Пугачов“ С. Есенина.

Вышел „Пугачов“ С. Есенина. Вещь, о которой много говорилось в литературных кругах задолго до ее появления, на которую частью литературной Москвы возлагались большие надежды.

Оправдались ли эти надежды? Представляет ли из себя „Пугачов“ действительно сколько-нибудь значительное явление в современной литературе?

К сожалению, несмотря на всю благожелательность нашу к С. Есенину, на этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Что такое есенинский Пугачов?

Меньше всего это историческая фигура.

Пугачова Есенин толкует, как революционера, как идейного борца за казачью вольность, борца за освобождение угнетенной ящичкой бедноты от ига екатерининских эксплуататоров и палачей. С исторической точки зрения можно держаться различных взглядов, но не в этом дело, — разве художник не в праве по-своему, чисто-субъективно истолковать историческую фигуру? Ведь в конце-концов каждое художественное произведение субъективно. И делать Есенину упреки за то, что в его поэме мало истории или мало быта, как это делают некоторые критики, просто-напросто нелепо.

Слабость „Пугачова“ в другом.

Пугачов Есенина не реален. Он — романтическая фигура, плод творческой мечты поэта. И, приняв это положение, нельзя требовать от поэта внешнего соответствия его Пугачова подлинно существовавшему, реальному Пугачову.

Но, кроме внешнего реализма, кроме духа истории и быта, во всяком художественном образе должна быть известная внутренняя логика, внутренняя логическая оправданность каждого мазка, каждой черточки, каждого штриха. Если этого нет, — образ внутренне дисгармоничен, образа, как художественной ценности, просто-напросто нет, а есть одно лишь пустое и, как всякая пустота, неприятное место.

Значит, не в быте, не в истории дело, а во внутренней завершенности, в органической цельности образа.

Как раз этого-то необходимого свойства, без которого художественное произведение никогда не будет подлинно художественным, в есенинском „Пугачове“ нет. И в этом его слабая сторона.

Для того, чтобы составить себе представление о Пугачове Есенина, достаточно открыть первую страницу поэмы. Вот как говорит у Есенина Пугачов (курсив везде наш):

Ох как устал и как болит нога...
Р жот дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?